

Уголовно-правовые парадигмы и их роль в развитии российской уголовно-правовой политики (на примере членства России в Совете Европы)

Аннотация. В статье рассматривается актуальная в настоящий момент проблема «негативного реформирования» российского уголовного закона посредством имплементации в него положений обязательных для России международных договоров. На примере членства России в Совете Европы описаны конкретные примеры влияния международного права на отечественную уголовно-правовую политику и выделяются несколько основных направлений этого влияния.

В современной доктрине прослеживается четкая позиция о необходимости ограничения имплементации положений международных договоров в российский уголовный закон. Вместе с тем очевидно, что полный отказ от сотрудничества с международным сообществом существенно повредит внешней политике России, что не позволяет найти единственно верного, четкого и универсального решения проблемы негативного влияния международного права на уголовную политику России.

На базе изучения и обобщения основных философских концепций, а также позиций уголовно-правовой доктрины, в статье предложен метод, позволяющий, по мнению автора, контролировать соблюдение необходимого баланса между российскими интересами и предписаниями международного права. Автор предлагает использовать категорию «научные парадигмы уголовного права», которые, по его мнению, обеспечивали и обеспечивают относительную стабильность российского уголовного закона уже на протяжении многих десятков лет. В статье приводится понятие научных парадигм уголовного права, их основные функции, а также примеры влияния на уголовную политику России.

Ключевые слова: наука уголовного права, уголовно-правовая политика, стабильность уголовного закона, уголовно-правовые парадигмы.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.142-151

Постановка проблемы

С каждым годом количество уголовно-правовых норм, имплементированных в УК РФ из международных договоров, возрастает, усиливается и качественная характеристика предлагаемых нововведений.

Изучение дискурса вокруг уголовного закона, его текущего состояния и перспектив реформирования демонстрирует существенное

усиление роли международных обязательств как аргумента для обоснования изменения уголовно-политического курса нашей страны. Все чаще международные соглашения фигурируют в пояснительных записках к законопроектам об изменении уголовного закона, упоминаются в реформаторских научных предложениях, проблемы выполнения взятых на себя Россией обязательств обсуждаются на высочайшем

© Цай К. А., 2016

* Цай Кирилл Александрович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

D503.ts@mail.ru

143080, Россия, Московская область, Одинцовский район, п. ВНИИСОК, ул. Д. Давыдова, д. 1, кв. 429

государственном уровне¹, а невыполнение нашей страной решений международных органов привлекает к себе все возрастающее внимание мирового сообщества.

Одной из наиболее перспективных с точки зрения влияния на внутреннюю уголовно-правовую политику международных площадок являются межгосударственные объединения, одной из основных целей которых является взаимная правовая интеграция государств-членов. Наиболее влиятельным в этом отношении применительно к Российской Федерации представляется Совет Европы, чем и обусловлено наше рассмотрение.

Основные тенденции реформирования уголовного закона России в связи с ее международными обязательствами как члена Совета Европы

Ниже приведен краткий список изменений уголовно-правовой политики России, внесенных под влиянием международных обязательств нашей страны в Совете Европы:

- 1) запрет на исполнение смертной казни;
- 2) криминализация обещания посредничества во взяточничестве;
- 3) криминализация активного и пассивного подкупа иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций;
- 4) криминализация получения сексуальных услуг несовершеннолетнего;
- 5) ужесточение ответственности за изготовление и оборот порнографических материалов с участием несовершеннолетнего;

6) криминализация публичного оправдания идеологии и практики терроризма;

7) криминализация незаконного оборота медицинских препаратов;

8) частичный возврат конфискации имущества как меры уголовной ответственности.

Также показательны некоторые, наиболее широко обсуждаемые предложения, аргументируемые или берущие свое начало из международного права, пока не нашедшие официального легитимирования:

- 1) введение уголовной ответственности юридических лиц²;
- 2) отказ от дифференциации «наказательной» ответственности³;
- 3) расширение списка коррупционных преступлений (подкуп третейских судей, злоупотребление влиянием)⁴;
- 4) возврат конфискации имущества как вида уголовного наказания⁵.

Тенденция, обозначившаяся в официальной и научной среде, ясна: наблюдается постепенная интеграция отечественной уголовно-правовой догмы в международное правовое пространство и правовое пространство Совета Европы.

Из-за ограниченного объема исследования представляется излишним останавливаться на дальнейших подробностях динамики уголовно-правовой политики России в связи с ее членством в Совете Европы, для целей дальнейшего изложения будет достаточно краткого обозначения основных направлений (векторов) этой динамики.

¹ В частности, проблемы выполнения Россией международных обязательств стали предметом дискуссии на конференции «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции о правах человека», состоявшейся 22–23 октября 2015 года в КС РФ.

² См., например: проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/?print=1.

³ См., например: Головкин Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции criminal matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1 (5). С. 42–52.

⁴ См., например: проект федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию» // URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-184884/>.

⁵ См., например: проект федерального закона № 247676-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (в части регламентации положений о конфискации)».

Во-первых, основной, и наиболее существенный, аспект влияния Совета Европы затронул Особенную часть УК РФ, а именно вопросы регламентации коррупционных преступлений, половых преступлений, преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, а также преступлений против здоровья населения. Из изменений, вносимых в Общую часть уголовного закона, только запрет применения смертной казни можно назвать в полном смысле обусловленным международными обязательствами.

Во-вторых, международное сообщество с каждым годом оказывает все более сильное давление на УК РФ. При этом качество изменений, вносимых в российское законодательство, зачастую оставляет желать лучшего: страдает системность кодекса, нарушается законодательная техника, имеют место противоречия между Общей и Особенной частью УК РФ и др. Однако по большей части критике подвергаются новеллы, не обусловленные реальными криминологическими предпосылками и (или) входящие в противоречие с российской уголовно-правовой традицией.

В-третьих, в УК РФ практически отсутствуют однозначно позитивно оцениваемые положения, имплементированные из международных договоров Совета Европы. Большинство из таких изменений либо некорректно перенесены в отечественный закон, либо вовсе не подлежали перенесению, либо содержались в УК РФ ранее, но были исключены в результате законодательной ошибки.

В-четвертых, следует позитивно оценить избирательный подход законодателя к принятию на себя международных обязательств. Большая часть заявленных Россией оговорок к международным соглашениям ограждают УК РФ от чуждых отечественной правовой системе изменений и дополнений.

В-пятых, наблюдается тенденция маскировки законодательных решений, принятых по внутренним политическим и (или) иным мотивам, под обусловленные международными обязательствами. На сегодняшний день международный договор превратился в своеобразный карт-бланш по внесению любых, даже слабо обоснованных изменений в уголовный закон.

Уголовно-правовая парадигма как основа для формирования теоретического фундамента уголовной политики России

Идея взаимоинтегрирования правопорядков государств — участников Совета Европы далеко не нова. Так, еще в 1960 г. Европейская комиссия по правам человека в своем решении по делу «Пфандерс (Pfunders)» отметила: «Цель Высоких Договаривающихся Сторон при заключении Конвенции состояла не в том, чтобы уступить друг другу взаимные права и обязательства для преследования собственных национальных интересов, а в том, чтобы установить общий публичный порядок свободных демократий Европы с целью поддержания общего наследия политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права». Однако возраст идеи сам по себе не колеблет возможности ее намного более поздней актуализации, что и имеет место в рассматриваемом случае.

Как отмечают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, «уголовная политика перестает быть только и исключительно делом государства. То, что может быть определено в качестве уголовной политики, испытывает на себе влияние, причем в последнее время все более интенсивное со стороны международных (универсальных, региональных) организаций и институтов гражданского общества, которые претендуют на то, чтобы стать если не самостоятельными, то более заметными игроками при принятии и реализации уголовно-политических решений»⁶.

«Торжественный марш» международного права по уголовной политике России не может не вызвать опасений. Совершенно неудивительно, что в последние годы сравнительно часто поднимается вопрос о границах допустимости вторжения международного элемента в отечественное уголовно-правовое регулирование.

Одним из первых на данную проблему обратил внимание А. Э. Жалинский в связи с определением границ уголовно-правовой юрисдикции. Ученый полагал необходимым сформировать жесткую политику государства в вопросе установления пределов отечественного уголовно-правового регулирования; по

⁶ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2015. С. 25.

его мысли, «крайне необходимо совместными усилиями заинтересованных лиц разработать ориентирующие позиции российской уголовно-правовой власти, адаптированные к реальному содержанию юрисдикционных конфликтов и в полной мере реализующие признаваемые ею принципы»⁷.

Широкую известность получил разработанный О. Н. Ведерниковой «Манифест юриста-антиглобалиста», в соответствии с которым в РФ допустимо применять только те положения международного уголовного права, которые согласуются с принципами российской правовой системы⁸.

Культурологический аспект охраны национального суверенитета в своем исследовании описал О. Н. Бибик. Ученый полагает, что «при криминализации деяний международное право должно иметь приоритет перед национальным уголовным законодательством только тогда, когда речь идет о защите общечеловеческих ценностей. Во всех иных случаях криминализация деяний, которая предусматривается международно-правовыми нормами, должна проводиться с учетом особенностей культуры государства (принцип культурного суверенитета), что предполагает приоритет национального законодательства»⁹.

В своем выступлении на международной конференции «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции о правах человека» Председатель Конституционного Суда РФ Зорькин В. Д. подчеркнул: «Главной проблемой, с которой столкнулся Конституционный Суд в своей работе, является необходимость одновременного решения двух не всегда легко сочетаемых задач: гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности — с другой»¹⁰.

Изучение криминологических типов различных стран позволило И. М. Клейменову отнести уголовно-правовую политику современной России к реформистскому типу¹¹, для которого характерно «негативное влияние глобального фактора на формирование и реализацию реформистской уголовной политики», когда «в систему уголовной юстиции внедряются международные подходы, глобальные оценки и эксперты, перед которыми ставится задача деконструкции»¹².

Важность сохранения национальной идентичности подчеркивают даже сторонники «уголовно-правового глобализма». В. Ф. Цепелев

⁷ Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик ; НИУ «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом «Высшая школа экономики», 2015. Т. 2. Уголовное право. С. 421.

⁸ Ведерникова О. Н. О состоянии преступности в стране и мире, криминоглобалистике и антиглобализме // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С. 82—91.

⁹ Бибик О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.

¹⁰ Зорькин В. Д. Проблемы реализации Конвенции о правах человека // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>.

¹¹ По мысли автора: «Для реформистской уголовной политики характерны: перманентное реформирование (законодательства, организационной структуры, условий правоприменения); неопределенность целей и задач: они постоянно меняются и модернизируются ; утопизм: закрепление правовых механизмов, которые не могут быть реализованы; зависимость от стандартов международных организаций и экспертов (в особенности на этапе разработки новых законов в период начальных реформ); декларативность: расхождение между поставленными задачами и достигнутыми результатами; слабое (тенденциозное) научное обоснование, занижение престижа криминологии; отказ от использования ее потенциала в практической деятельности; постоянное внесение изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство; свертывание социальных программ по устранению криминогенных факторов (нищеты, безработицы, алкоголизма и пр.)» (см.: Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 307).

¹² Клейменов И. М. Указ. соч. С. 307—308.

в одной из своих работ пишет: «На глобальном и региональном уровнях разрабатывается и реализуется соответствующими субъектами... уголовная политика мирового сообщества и отдельных регионов», которая должна осуществляться «при сохранении государственного суверенитета и недопустимости вмешательства во внутренние дела государств»¹³.

Один из ведущих исследователей и популяризаторов международного уголовного права (МУП) в России Г. И. Богуш указывает: «При имплементации конвенционных норм ТУП [транснационального уголовного права] следует стремиться не к максимальной унификации национально-правовых определений составов преступлений (что, наоборот, характерно для МУП), а к максимальному учету особенностей национальной правовой системы, “встраиванию”, трансформации в нее международных норм, не обладающих прямым действием. Только таким образом может быть обеспечено выполнение государствами своих международных обязательств»¹⁴.

Уголовное право — наиболее репрессивная отрасль законодательства, на протяжении всей собственной истории оно было непосредственно связано с аппаратом государственного принуждения и мыслилось «как “последний аргумент власти” в деле обеспечения социального порядка в государстве»¹⁵. Уголовное наказание — наиболее суровая мера ответственности индивида, которая в ряде случаев может включать полное и окончательное исключение преступника из общества посредством прекращения его существования (смертная казнь / ликвидация юридического лица) либо изгнания (в современном праве — выдача иностранного гражданина государству его гражданства¹⁶

либо объявление его персоной нон грата). Целый ряд уголовно-правовых запретов является в некотором смысле последним рубежом, поскольку успешное исполнение запрещенного ими поведения приводит к краху текущей государственной системы. В государствах, обладающих ограниченным по условиям мирных договоров либо вследствие военных действий суверенитетом, внутреннее уголовное право либо не действует совсем, либо имеет существенные ограничения в применении. Так, в распоряжении А. Гитлера от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе “Барбаросса” и особых мероприятиях войск» говорилось следующее: «Возбуждение преследований за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление»¹⁷.

Эти и многие другие обстоятельства свидетельствуют об особом статусе уголовного права, о необходимости обдуманного подхода к его реформированию, особенно это касается фактов международного влияния.

Уголовно-правовая парадигма как основа для формирования теоретического фундамента уголовной политики России

Консервативность российской уголовно-правовой науки не является секретом для большинства ее представителей, однако вопрос о корнях этой традиции, как правило, остается за рамками теоретического осмысления. Один из первых ученых, обративших внимание на парадигмальный характер уголовно-правового консерватизма, И. Я. Гонтарь, пытаясь

¹³ Цепелев В. Ф. Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 448.

¹⁴ Богуш Г. И. Транснациональное уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сб. материалов 6-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 478—483.

¹⁵ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. С. 144.

¹⁶ Также, например, в современном Китае «к совершившим преступление иностранным гражданам в качестве самостоятельной или дополнительной меры наказания может применяться высылка из страны (ст. 35 УК КНР)» (см.: Бойко А. Р. [и др.] Мировые религии о преступлении и наказании. М. : Рипол Классик, 2013. С. 551).

¹⁷ См.: Зелинская Н. А. Политические преступления в системе международной преступности / Одес. национ. юрид. акад. Одесса : Фенікс, 2003. С. 170.

опровергнуть традиционное понимание категорий преступления и наказания, отметил, что «ряд содержащихся в теории уголовного права утверждений... приобрел качество парадигм, не терпящих никаких сомнений в их истинности»¹⁸.

А. Э. Жалинский определял парадигму уголовного права как «предпонимание, воплощенное или неосознанно проявляющееся в наиболее общих суждениях о природе и предназначении уголовного права, которое так или иначе воздействует на уголовно-правовую науку, а также осознание и формирование уголовной политики, уголовного законодательства, практики правоприменения и проявляется в определении этих явлений»¹⁹.

А. Б. Баумштейн развивает теорию концептуальных начал уголовного права, под которыми понимает «основные идеи, определяющие содержание и наполнение уголовного права и обусловленные определенной системой социально-философских взглядов на природу уголовного права, его задачи и используемый им инструментарий в их решении»²⁰.

Однако наиболее полное раскрытие (в рамках уголовно-правового дискурса) эта проблема нашла в работе М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина. По мысли ученых, уголовное право «отражает сложившийся опыт и традиции разрешения уголовно-правового конфликта, аккумулирует их в законе и трансформирует в будущее посредством этого же закона. Соответственно, в научном сообществе доминирует бережное (иногда даже слишком бережное) отношение к традициям и постулатам сложившихся (традиционных) школ уголовного права»²¹. При этом традиции в уголовно-правовой науке авторами понимаются как «общепризнанные, устойчиво вошедшие в научный обо-

рот идеи и конкретные положения (например, представления о структуре состава преступлений, понятие квалификации преступлений)»²².

Не вдаваясь в подробное исследование проблематики парадигм (традиций) социально-гуманитарных наук в целом и уголовного права в частности, приведем собственную интерпретацию данной категории, основанную на философских концепциях Т. Куна и Б. Рассела, а также научных позициях И. Я. Гонтаря, М. Б.-о. Ахмедова, А. Э. Жалинского, А. Б. Баумштейна, М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина.

Под научной парадигмой уголовного права следует понимать признанные большей частью научного сообщества и вошедшие в научный оборот основополагающие идеи, теории и концепции, лежащие в основе одного или нескольких уголовно-правовых институтов, оказывающие существенное, преимущественно неосознанное, априорное влияние на уголовно-правовую политику, ее изменение и совершенствование.

Можно выделить две основные функции уголовно-правовых парадигм:

- 1) направляющую;
- 2) охранительную.

Направляющая функция научных парадигм заключается в создании некой рамочной основы, определяющей и ограничивающей дальнейшее направление развития уголовного права и уголовного закона. В качестве примера можно привести концепцию уголовно-правового суверенитета, зачатки которой имелись еще в Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения 1767 г.²³ Эта теория в своем концептуальном воплощении может быть выражена следующей цитатой А. Э. Жалинского: «Действие уголовного закона в пространстве определяет стояние су-

¹⁸ Гонтарь И. Я. Парадигмы в уголовном праве и реальность // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 140.

¹⁹ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 123.

²⁰ Баумштейн А. Б. О понятии концептуальных начал уголовного права / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (24—25 января 2013 г.). М. : Проспект, 2013. С. 8.

²¹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. № 2 (19). 2015. С. 22.

²² Указ. раб. С. 22.

²³ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2014. С. 293—294.

веренитета каждой страны»²⁴. Понимание уголовно-правовой юрисдикции как внутренней компетенции и исключительной ценности нашего государства привело к последовательному и поступательному расширению пределов действия уголовного закона и воплотилось в статьях 11 и 12 УК РФ, которые, по существу, предоставляют России право преследовать любые преступления, даже минимальным образом связанные с национальным правопорядком нашей страны²⁵.

Охранительная функция выражается в том, что научные парадигмы уголовного права выступают в роли своеобразного щита, ограждающего УК РФ от изменений, не вписывающихся в текущее направление политики государства в сфере борьбы с преступностью. В качестве примера можно привести извечный спор о смертной казни в России. Несмотря на всё возрастающее количество противников данного вида наказания, а также на наличие недвусмысленных рекомендаций со стороны Совета Европы по отмене смертной казни в Российской Федерации, классическое представление о видах наказания и их сущности в нашей стране не позволяет считать данный вопрос решенным окончательно посредством легитимации такого решения²⁶.

«Парадигмальная исключительность» российского уголовного закона как гарант его стабильности и концептуальной целостности

Практически все классические идеи, на которых базируется современная уголовно-правовая догма, берут свое начало из глубин истории, они обусловлены особенностями

развития общества, государства и науки. Как указывал в своем открытом письме академику В. Н. Кудрявцеву профессор А. В. Наумов: «Корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII—XIX веках... Человечество уже к тому времени сформировало основные уголовно-правовые идеи, и теперь они уже проверены веками»²⁷.

Исторический путь каждого государства уникален и неповторим, следовательно, уникальна и его национальная правовая традиция²⁸. В этой связи как минимум спорно выглядят аргументы ученых и правоприменителей, обосновывающих введение тех или иных чуждых отечественной доктрине правовых институтов на основании наличия таковых в зарубежном праве или международных нормах²⁹. Любое изменение классической уголовно-правовой традиции не может быть обосновано на базе сторонних рекомендаций. Международное обязательство не может и не должно выступать в качестве «неопровержимого аргумента» любого внутреннего научного спора. Представляется, что во главе угла должно стоять изучение истории вопроса, доктринальных и законодательных позиций, общественных реалий, политической ситуации и практической полезности.

Вместе с тем в условиях нарастающей глобализации и усложнения общественных отношений, когда каждому государству необходимо изменяться, подстраиваться под требования международного сообщества, реагировать на появление новых социальных тенденций, направлений, институтов и др.³⁰, сохранить уголовно-правовую традицию в ее чистом, неизменном виде объективно невозможно. Однако

²⁴ Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 108.

²⁵ Например, соответствующим законом будет наказание британца, побившего своего соотечественника за то, что последний оскорбил королевскую семью, если преступление совершено на борту британского самолета Лондон — Москва во время полета над территорией России.

²⁶ См. об этом.: Тузмухамедов Б. Р. Многоочие или все-таки точка? // URL: http://www.ng.ru/politics/2009-11-24/3_kartblansh.html (дата обращения: 14.01.2016).

²⁷ Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.

²⁸ Об уникальности российской правовой традиции см. напр.: Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2014. 672 с.

²⁹ Подобные аргументы часто используют в вопросах, затрагивающих концептуальные основания российского уголовного права (см., например: Широков В. А. Уголовная ответственность юридических лиц и перспективы применения в России // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252244>).

³⁰ См.: Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2015. С. 100.

сказанное не означает необходимости полного и немедленного отказа от исторически и практически обусловленных концептуальных положений. Как верно заметил А. Г. Кибальник, существует «красная черта», за которую никог-

да не следует переступать любому развитию; возможно, уголовное право когда-нибудь полностью изменит привычную нам классическую структуру, «но тогда “это” будет все что угодно, только не уголовное право»³¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 2 (19). — С. 9—28.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. — М. : Проспект, 2015. — 296 с.
3. Баумштейн А. Б. О понятии концептуальных начал уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции (24—25 января 2013 г.). — М. : Проспект, 2013. — С. 9—11.
4. Бибик О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2015. — 38 с.
5. Богущ Г. И. Транснациональное уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сб. материалов 6-й Международной научно-практической конференции. — М., 2009. — С. 478—483.
6. Бойко А. Р. [и др.] Мировые религии о преступлении и наказании. — М. : Рипол Классик, 2013. — 608 с.
7. Ведерникова О. Н. О состоянии преступности в стране и мире, криминоглобалистике и антиглобализме // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 2. — С. 82—91.
8. Головкин Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции criminal matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. — 2013. — № 1 (5). — С. 42—52.
9. Гонтарь И. Я. Парадигмы в уголовном праве и реальность // Правоведение. — 2002. — № 6 (245). — С. 140—149.
10. Есаков Г. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовое воздействие / под ред. д. ю. н. проф. А. И. Рарога // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (авт. главы — Г. А. Есаков).
11. Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — Т. 2 : Уголовное право. — 591 с.
12. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. — М. : ТК Велби, Проспект, 2004. — 560 с.
13. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 400 с.
14. Зелинская Н. А. Политические преступления в системе международной преступности / Одес. национ. юрид. акад. — Одесса, Фенікс, 2003. — 400 с.
15. Зорькин В. Д. Проблемы реализации Конвенции о правах человека // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72> (дата обращения: 14.01.2016).
16. Кибальник А. Г. Традиции и новации в уголовном праве: очевидное и невероятное // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 5 (22). — С. 70—74.
17. Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. ... д-ра юрид. наук. — Омск, 2015.
18. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. — М. : Проспект, 2015. — 400 с.
19. Наумов А. В. Как преодолеть кризис международного права? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Международной научно-практической конференции (29—30 января 2015 г.). — М. : РГ-Пресс, 2015. — С. 447—479.

³¹ Кибальник А. Г. Традиции и новации в уголовном праве: очевидное и невероятное // Библиотека криминалиста. 2015. № 5 (22). С. 70—74.

20. Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. — 2006. — № 4. — С. 135—138.
21. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2014. — 672 с.
22. Тузмухамедов Б. Р. Многоточие или все-таки точка? // URL: http://www.ng.ru/politics/2009-11-24/3_kartblansh.html (дата обращения: 14.01.2016).
23. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало-М, 2014. — С. 293—294.
24. Цепелев В. Ф. Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. — М. : Институту права и публичной политики, 2009. — С. 446—458.
25. Широков В. А. Уголовная ответственность юридических лиц и перспективы применения в России // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252244> (дата обращения: 14.01.2016).

Материал поступил в редакцию 14 января 2016 г.

CRIMINAL LEGAL PARADIGMS AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGAL POLICY (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA'S MEMBERSHIP IN THE COUNCIL OF EUROPE)

TSAI Kirill Aleksandrovich — Post-graduate, National Research University Higher school of Economics
D503.ts@mail.ru
143080, Russia, Moscow region, Odintsovo district, VNIISOK settlement, D. Davidova Street, 1, apt. 429.

Review. *The article covers the up-to-date problem of "negative reformation" of the Russian Criminal Law through the implementation of the provisions of the international treaties binding on Russia. For example, Russia's membership in the Council of Europe, provides certain examples of the impact of international law on the domestic criminal law policy and highlights several main directions of this influence.*

The modern doctrine shows a clear position on the need to limit the implementation of the provisions of international treaties in criminal law. However, it is obvious that a complete refusal to cooperate with the international community will significantly hurt Russian foreign policy which makes impossible to find one correct, clear and universal solution to the problem of the negative influence of international law on the criminal policy of Russia. On the basis of studying and summarizing the basic philosophical concepts, as well as the positions of the criminal legal doctrine, the paper suggests the method by which, in the opinion of the author, it is possible to monitor compliance with the necessary balance between Russian interests and the requirements of international law. The author proposes the use of the category "scientific paradigms of criminal law" which, in his opinion, have provided and ensured the relative stability of the Russian criminal law for many decades. This article contains the concept of scientific paradigms of criminal law, their main functions, as well as examples of influence on criminal policy of Russia.

Keywords: *the science of criminal law, criminal legal policy, stability of the criminal law, the criminal law paradigm.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Dialektika traditsiy i novatsiy v уголовном праве // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 2 (19). — С. 9—28.
2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Problemy rossiyskoy ugovnoy politiki. — М. : Prospekt, 2015. — 296 s.
3. Baumshteyn A. B. O ponyatii kontseptual'nykh nachal ugovnogo prava // Uголовное право: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (24—25 yanvarya 2013 g.). — М. : Prospekt, 2013. — С. 9—11.
4. Bibik O. N. Kul'turnoe izmerenie ugovno-pravovykh i kriminologicheskikh issledovaniy : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2015. — 38 s.

5. Bogush G. I. Transnatsional'noe ugovnoe pravo // Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : sb. materialov 6-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — M., 2009. — S. 478—483.
6. Boyko A. R. [i dr.] Mirovye religii o prestuplenii i nakazanii. — M. : Ripol Klassik, 2013. — 608 s.
7. Vedernikova O. N. O sostoyanii prestupnosti v strane i mire, kriminoglobalistike i antiglobalizme // Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad. — 2005. — № 2. — S. 82—91.
8. Golovko L. V. Sootnoshenie ugovnykh prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy v kontekste kontseptsii criminal matter (ugovnoy sfery) // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2013. — № 1 (5). — S. 42—52.
9. Gontar' I. Ya. Paradigmy v ugovnom prave i real'nost' // Pravovedenie. — 2002. — № 6 (245). — S. 140—149.
10. Esakov G. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Chuchaev A. I. Ugovno-pravovoe vozdeystvie / pod red. d. yu. n. prof. A. I. Raroga // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus» (avt. glavy — G. A. Esakov).
11. Zhalinskiy A. E. Izbrannyye trudy : v 4 t. / sost. K. A. Barysheva, O. L. Dubovik, I. I. Nagornaya, A. A. Popov ; otv. red. O. L. Dubovik ; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — M. : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. — T. 2 : Ugovnoe pravo. — 591 s.
12. Zhalinskiy A. E. Sovremennoe nemetskoe ugovnoe pravo. — M. : TK Velbi, Prospekt, 2004. — 560 s.
13. Zhalinskiy A. E. Ugovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Prospekt, 2009. — 400 s.
14. Zelinskaya N. A. Politicheskie prestupleniya v sisteme mezhdunarodnoy prestupnosti / Odes. natsion. yurid. akad. — Odessa, Feniks, 2003. — 400 s.
15. Zor'kin V. D. Problemy realizatsii Konventsii o pravakh cheloveka // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72> (data obrashheniya: 14.01.2016).
16. Kibal'nik A. G. Traditsii i novatsii v ugovnom prave: ochevidnoe i neveroyatnoe // Biblioteka kriminalista. — 2015. — № 5 (22). — S. 70—74.
17. Kleymenov I. M. Sravnitel'naya kriminologiya: kriminalizatsiya, prestupnost', ugovnaya politika v usloviyakh globalizatsii : dis. ... d-ra yurid. nauk. — Omsk, 2015.
18. Marchenko M. N. Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii. — M. : Prospekt, 2015. — 400 s.
19. Naumov A. V. Kak preodolet' krizis mezhdunarodnogo prava? // Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (29—30 yanvarya 2015 g.). — M. : RG-Press, 2015. — S. 447—479.
20. Otkrytoe pis'mo professora A. V. Naumova akademiku V. N. Kudryavtsevu // Ugovnoe pravo. — 2006. — № 4. — S. 135—138.
21. Sinyukov V. N. Rossiyskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. — 2-e izd., dop. — M. : Norma, 2014. — 672 s.
22. Tuzmukhamedov B. R. Mnogotochie ili vse-taki tochka? // URL: http://www.ng.ru/politics/2009-11-24/3_kartblansh.html (data obrashheniya: 14.01.2016).
23. Fel'dshteyn G. S. Glavnye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii / pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. — M. : Zertsalo-M, 2014. — S. 293—294.
24. Tsepelev V. F. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo gosudarstv v sfere bor'by s prestupnost'yu // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: sovremennyye problemy / pod red. G. I. Bogusha, E. N. Trikoz. — M. : Institutu prava i publichnoy politiki, 2009. — S. 446—458.
25. Shirokov V. A. Ugovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits i perspektivy primeneniya v Rossii // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252244> (data obrashheniya: 14.01.2016).